

Колдовские *Миры*

МАРИНА ЕФИМИНЮК

ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА
ЖЕЛАЕТ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Черная ведьма желает познакомиться / Марина Ефиминюк. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103157-2

Никогда бы не подумала, что меня, настоящую черную ведьму в тринадцатом поколении, шантажом заставят изображать невесту. И кто? Бывшая жаба! Вернее, наследник поместья, которому мне по чужой милости пришлось человеческий облик возвращать. Но разве может легко сдать колдунья из знаменитого рода Нортон? И со своими, и заодно с чужими родственниками справится, и жизнь хозяину поместья разнообразит, даже если он этого совсем не желает. Главное... чтобы в конце все живы остались.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефиминюк М. В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103157-2

Глава 1

ЖАБА В РИДИКЮЛЕ

Утро выдалось восхитительное, солнечное и благоуханное. В такие утра получалось абсолютно все! Во время уборки не разбился ни один флакон зелий. Не пролилась ни одна капля витаминного эликсира, когда я разливала его по фирменным бутылочкам. Но вишенкой на торте оказался принесенный ветром из соседней аптекарской лавки запах сгоревшего мясного рагу. Учитывая, что аптекарь считал наше соседство проклятьем светлой Богини, любой кулинарный провал его жены поднимал мне настроение не хуже веселящего зелья.

И когда мрачно скрипнула входная дверь, а в торговом зале появилась испуганная девушка в соломенной шляпке, я вдруг догадалась, что ко мне пожаловали неприятности.

— Эльза? — нервно сжимая в руках потрепанный ридикюль, с недоверием уточнила визитерша.

Благодаря маскирующему амулету я выглядела обычной молоденькой девушкой, темноволосой и темноглазой, ни вертикальных зрачков, ни бледной кожи, ни алых губ.

— Госпожа ведьма, — поправила я.

— А я Милли! В смысле Эмили.

Говорить «добро пожаловать» в лавку к черной ведьме было не с руки.

— Госпожа Эльза! Ваш помощник Томас сказал, если что-то пойдет не так, то я тут же должна бежать к вам в лавку! — Она сделала несмелый шаг в сторону прилавка. — В общем, все пошло совершенно не так! Полностью, абсолютно и бесповоротно! Я специально подождала ночь и точно говорю, что бесповоротно...

Тут мне следовало спросить, а что, собственно, произошло, но как-то слова отказывались вылетать изо рта. Помощник Томас у меня не служил, как, впрочем, любой другой помощник, зато имелся кузен Томас, отчисленный из магистериума за отвратительную успеваемость. Месяц он жил в лавке, а пока набирался смелости предстать перед нашей бабкой Примроуз, то ел, как не в себя, кутил ночами напролет, портил местных пуританок и пару дней назад наконец отбыл в неизвестном направлении. Не успела я поблагодарить темную Богиню, как имя семейного смутьяна снова осквернило воздух торгового зала.

— И вот я к вам прибежала, — закончила девушка с надеждой в глазах.

— А что случилось? — все-таки спросила, почти уверенная, что прямо сейчас мне объявят, что я вскорости стану двоюродной теткой.

Она проворно подскочила к прилавку и раскрыла ридикюль. Ей-богу, лучше бы девица оказалась в интересном положении! Но Томас умел создавать проблемы только глобального масштаба...

Из раззявленной матерчатой пасти на меня с лютой ненавистью тарачилась огромная серая жаба. Конечно, может быть, виной злобному взгляду была банка с засушенными лягушачьими лапками на полке за моей спиной.

— Это Картер, — прошептала девица. — Пусть он снова станет человеком!

Выходило, что несколько часов назад жаба не квакала, а говорила мужским голосом, не скакала, а шла на своих двоих к Милли в шляпке, чтобы, вероятно, заняться неудержимым прелюбодеянием. Надеюсь, что шляпки в тот момент на девушке не было.

— И давно? — осторожно уточнила я.

— С вечера, — зарыдала она.

После трех выпитых чашек успокоительного чая поток слез иссяк. Заикаясь, визитерша сумела объяснить, что паршивец Томас пообещал ошеломительный эффект от приворота, но никто не ожидал оказаться ошеломленным в прямом смысле слова.

— Я же сделала, как он велел: кровь добавила, в вино накапала, а Картер... Чих, пых и вот... Если в Ратуше узнают, что я опоила... и он... меня же в исправительный дом закроют!

Она сморщилась, снова собираясь разразиться слезами. Я тут же подлила в чашку успокоительного чая, в котором уже больше плескалось коньяку, нежели чая.

— Пейте!

Девушка прихлебнула напиток и, шмыгнув носом, уточнила:

— Госпожа Эльза, что делать будем?

Мы синхронно посмотрели на Картера, сидевшего в стеклянном вазоне. Оголодавшая жаба с нездоровым гастрономическим интересом поглядывала на мух, ползавших по широкому горлышку, и определенно мечтала устроить пиршество. Надо было бы летуний отогнать, но чего человека мучить? Пусть закусит, если уж сможет выловить.

— Раз сам не обратился, значит, будем варить, — вздохнула я.

В тот момент, тютелька в тютельку, в гробовой тишине торгового зала из пыльных часов на стене страшным хрипом прокаркала кукушка.

— Кого? Картера?! — Эмили немедленно схватила вазон с жабой и прижала к груди: — Только через мой труп! Лучше сварите меня саму!

У меня изогнулись брови, и вид, похоже, получился ужасно заинтересованный.

— Ну... — замялась клиентка и вкрадчивым жестом вернула вазон на стол. — Вы же не заставите меня съесть Картера в одиночку? Знаете, госпожа ведьма, я все-таки предпочитаю булочки на обед, а не рагу из жаб... А в том, что он сейчас такой, и ваша вина тоже имеется... Но, конечно, если надо есть, то лапки я попробую пососать.

— Обещаю, что Картера мы обглаживать не станем, — содрогнулась я от одной мысли о том, чтобы попробовать беднягу на зуб. — Мы будем зелье обратное варить.

Лавка у меня была крошечная, досталась от часового мастера, разорившегося пару лет назад. Внизу торговый зал, наверху — две спальни и купальня.

Варить зелья приходилось, стыдно сказать, на кухне, приравнивая магическое священнодействие к приготовлению похлебки, а хранить ведьмовские котелки — в обычных кухонных полках рядом со сковородками. Увидела бы бабка Примроуз, поперхнулась бы от хохота.

Через три часа, когда солнце перекаатилось на другую сторону неба и залило внутренний двор горячим светом, зелье почти доварилось. Подперев щечку кулачком, Эмили, бдевшая за приготовлением, задремала. Из одной ноздри у нее торчала закрученная жгутом салфетка, другая выпала в чашку. Затычки она засунула в нос, как только из котелка повалил зеленоватый дым с гнилостным запахом.

— Эмили! — позвала я девушку.

Клюнув носом, она с трудом продрала глаза, растерянно оглядела банки с ингредиентами, раскрытый гримуар, а потом уже сфокусировалась на протянутых портняжных ножницах.

— Режьте волосы, — велела я.

— Налысо?! — мгновенно проснулась она.

— Можно и налысо. Главное, полотенце подстелить, а я там пару волосинок выберу.

Одарив меня настороженным взглядом, девушка оттяпала от кудрявой челочки жиденькую прядку в десяток волосинок и передала мне. Последний ингредиент утонул в густом вареве. Зелье запыхтело, запузырилось и стихло. Как любое магическое средство, остывало оно в считанные минуты и на глазах покрывалось глянцевой пленкой.

Окунать жаба решила прямо в котелке. Глядишь, земноводное — не потонет.

— Кидайте Картера в самую гущину, — велела я.

— Помоги мне, светлая Богиня, — прикрыв глаза, помолилась девушка.

Жаб плюхнулся в зелье со странным бульканьем, расплескав брызги по столешнице, и немедленно пошел ко дну.

— Ой, он тонет! — испуганно вскрикнула Эмили, но Картер очень сильно хотел жить и резво всплыл, в панике взбивая магический отвар задними лапами.

И вот тогда-то мне в голову пришла своевременная мысль (я вообще была гораздо на своевременные мысли), что сейчас бедняга похож на жабу, но уже через десять минут перед нами предстанет абсолютно голый и злой, как тысяча темных приспешников, мужчина! Не то чтобы я никогда не видела обнаженных мужчин в ярости, да и невольная напарница явно целомудрием не страдала, но Картеру-то придется возвращаться домой. Не бежать же по улицам, прикрывая чресла лопухами?

— Куда вы, госпожа ведьма? — остановила меня удивленная Эмили. — А как же Картер?

— Пусть поплещется еще чуток, — распорядилась я. — Сейчас рубаху принесу.

Томас собирался в такой спешке, что мог оставить часть дорожного багажа (я так и не успела проверить), но в громоздком шкафу, занимавшем почти четверть крошечной комнатенки, на плечиках скособочилась единственная рубашка, отбракованная из-за пожелтевшего пятна от брокколи прямо на воротничке-манишке. Недолго думая, я завернула в собственную спальню и вытащила из

комода безразмерные ситцевые панталоны в сердечко с кружевными воланами на штанинах. Уродливое недоразумение мне подарила прабабка пару лет назад, заявив, что без сексуального нижнего белья я никогда не сумею продолжить род Нортон. Туфель мужских в девичьем хозяйстве, конечно, не имелось, пришлось прихватить вязаные полосатые гольфы.

Когда я вернулась в кухню с охапкой вещей, то обнаружила, что возбужденная Эмили длинной деревянной ложкой пыталась выудить жабу из котелка.

— Госпожа ведьма! — воскликнула девушка с круглыми от страха глазами. — Посмотрите сюда! Он стух!

Жаба в посудине посинела и опухла. В прямом смысле этих слов стала лазоревого цвета и заметно раздалась в размере, как будто наглоталась зелья. Слава темной Богине, не всплыла надутым брюхом кверху...

— Так и должно быть? — прошептала девушка, преданно заглядывая мне в лицо. Я старалась сохранять непроницаемую мину, но в голове проносился вихрь отборных ругательств. Конечно, так быть не должно! Ни разочка не должно!

— Вынуждена признать, что обратное зелье не подействовало, — откладывая одежду за ненадобностью, резюмировала я и осторожно двумя пальцами выловила жабу за заднюю лапу. Бедняга Картер повис в воздухе, определенно не веря, что ему не дали захлебнуться в зловонной жиже.

— И что теперь будет? — Эмили приняла поси-
невшего кавалера в нежные руки.

— У него много родственников? — уточнила я,
пытаясь прикинуть, как скоро пропавшего горе-
любовника объявят в розыск.

— Он умрет? — побледнела она.

Типун тебе на язык!

— Госпофа федьма, — секундой позже промы-
чала девушка. — У мефя фто-то с яфыком случи-
лось...

— Сейчас травяного чая дам, — смиренно вздох-
нула я.

Из чего же Томас наварил свой ядреный приво-
рот, если на жабу, в смысле Картера, не действовало
столь же ядреное оборотное зелье? Да оно в про-
шлом году даже с рогами, выросшими у мэра после
адюльтера, справилось!

Мы с жабой обменялись ненавидящими взгля-
дами.

Обычно личный гримуар черная ведьма начи-
нала вести с самого первого сотворенного закли-
нания, но у меня как-то с собственной магической
книгой не сложилось, и я пользовалась заметками
покойной матушки. Толстенный фолиант с желто-
ватыми, исписанными убористым почерком стра-
ницами представлял собой дикую смесь из зелий,
заклинаний, рецептов приготовления рисовых
пудингов и ежедневных заметок о жизни в замке
Нортон. На полях, где мама описывала побочные
эффекты фирменного оборотного зелья, имелся
комментарий такими маленькими литерами, что
мне пришлось выйти из образа пугающей черной

ведьмы и нацепить на нос круглые очки. *«Если целовать от души и с искренним желанием, то любая жаба превратится в принца».*

Сняв окуляры, я с интересом покосилась на пригорюнившуюся Милли. Интересно, это была аллегория или руководство к действию? Чем темная Богиня не шутит?

— Эмили, вы же искренне хотите, чтобы Картер снова стал человеком?

Та страстно закивала головой.

— Тогда целуйте его! Но чтобы с душой!

Девушка громко икнула и начала зеленеть.

— Может, попробуем еще какую-нибудь отраву сварить?

— Боюсь, что в случае с Картером магия бесполезна.

— Ну, раз так... — Она шмыгнула носом, вытащила жабу из вазона, сглотнула... и вдруг промычала: — Может, Богиня с ним, пусть квакает? Я ему стану мушек ловить.

— Эмили, вы целуете захворавшего, но горячо любимого мужчину!

— Честно сказать, не то чтобы горячо...

Признаться, я самым подлым образом поперхнулась:

— Но ты же его приворотом напоила!

— Так у него же куры денег не клюют! Вернее, перестанут клевать, если он наследство от дядьки получит. Картер подарки делал: платочек шелковый, сумочку, чулочки вот принес... — Она выставила ногу, демонстрируя розового цвета чулки. — Но ему белобрысую выдру в невесты по-

добрали и велели жениться! Вот скажите, чем я хуже ее?

— Выдры?

— Тоже, знаете ли, могу ложкой с ножом кушать и арии наизусть рассказывать!

— Поцеловать все равно придется, — перебила я.

— Ну, раз надо, то, конечно, поцелую, — сдалась Милли и с разнесчастным видом поднесла жаба к вытянутым уточкой губам.

Чмок!

Клянусь, жабу тоже передернуло от отвращения, и в человека она превращаться не захотела. Некоторое время, расстроенные неудачей, мы молчали.

— Вы что-то говорили о белобрысой выдре? — уточнила я, отгоняя от себя мысль попытаться самой облобызать посиневшее земноводное. В конце концов, кто, кроме меня, еще так искренне желает, чтобы оно, вернее, он вернул человеческий облик? Ведь если невеста не сможет превратить Картера в парня о двух ногах, то мне можно паковать вещи в дорожные сундуки, снимать с лавки вывеску и отправляться в тесные до удушья семейные объятия.

Но разве я, ведьма Нортон в тринадцатом поколении, могу так сильно обрадовать бабушку Примроуз, а заодно и целый город пуритан? Да ни в жизни!

* * *

В Сельгросе я поселилась полтора года назад после окончания магистериума, вдрызг разругавшись с бабушкой. Она хотела меня выдать замуж за внука своей заклятой подружки, а я мечтала о собственной магической практике. Зря, что ли, пять лет ва-

рила в учебных котлах зелья и училась искусству терпения? Однако когда по провинциальному Сельгросу, где пуритане отчаянно скрывали от соседей, что являются самыми обычными людьми, прошел слух о переезде черной ведьмы в бывшую часовую лавку, у города случилось коллективное помутнение рассудка.

В приемную к мэру выстраивались вереницы из несогласных, а аптекарь взялся за возведение каменной стены между нашими задними дворами. Правда, на середине работы запал закончился, а может, сосед решил, что новая арендаторша, не важно, черная она ведьма, белая или деревянная, обязана взять остаток расхода на себя. Он не учел, что меня соседство с аптекарской лавкой совершенно не смущало. Теперь наши сады, одинаковой меры запущенности, разделяла монструозная постройка, половиной напоминавшая крепость высотой в пять футов, а другой половиной — хлипкий плетень, готовый разломаться от любого дуновения ветра.

Но оплотом моих ненавистниц была восточная часть города, где и жили Картер с будущей женой. Улочки респектабельного района утопали в зелени, а пешеходные дорожки были выложены мелкой брусчаткой. Не иначе чтобы черная ведьма свернула себе шею на высоких каблуках, если бы задумала появиться перед глазами местных активисток. Мне говорили, что каждое воскресенье они собирались в храме «на чай и не только». Подозреваю, что на повестке дня где-то между разбором соседских прегрешений и сбором денег на праздники ставили насущный вопрос о выселении исчадия ада, то